

Глава 14. Искреннее сердце (часть 1)

«Как же так?» — Линь Яньюй лихорадочно перебирал в памяти сюжет оригинального романа. Автор не слишком усердствовал над образом главы секты Сяньюй — тот был лишь обычным предводителем, очередной пешкой, которая должна была героически погибнуть вместе со своей обителью на том пути саморазрушения, что выбрал для себя главный герой.

Неужели всё дело в том, что глава секты уже был на грани? Может, поэтому в романе гибель Сяньюй оказалась столь сокрушительной, а сопротивление — бесполезным?

Нет, это лишь домыслы. Изначально автор не прописывал ничего подобного. В тексте оригинала такой сюжетной линии просто не существовало.

Но всё, что сейчас окружало Линь Яньюя — Мастер Даньхао, Фан Дабинь, Цинь Цзуйкуан, Цюань Фушуй и другие — было живым. Осязаемым. Настоящим.

С того самого дня, как он попал в этот мир, сухие строчки превратились в яркую, бьющую ключом реальность, где за каждым поворотом скрывалась неизвестность.

Должно быть, его появление изменило ход событий, и болезнь главы секты стала следствием этого сбоя?

Впрочем, Линь Яньюй не собирался отступать. Его целью было переписать сценарий, спасти собственную шкуру и сбежать подальше от «судьбы главного героя», чтобы наслаждаться свободой.

— Учитель, — горько усмехнулся он. — Из меня не выйдет главы. Я не справлюсь...

Ноша целой секты была слишком тяжела для его плеч.

Мастер Даньхао растерялся. На его изборожденном морщинами лице проступила тень разочарования.

— Ученик, не спеши с отказом. Давай обсудим это позже, хорошо?

Линь Яньюй не хотел ранить старика, а потому лишь обреченно кивнул и тут же спросил:

— Неужели главе никак не помочь?

Если тот поправится, вопрос о преемнике отпадет сам собой.

— Его раны весьма необычны, — вздохнул Даньхао. — Похоже, здесь замешаны Древние Клань. Обычные средства бессильны, нам остается лишь поддерживать в нем искру жизни день за днем.

Древние Клань? Сердце Линь Яньюя пропустило удар. Теперь он понял, что именно вызывало у него смутное беспокойство.

Таинственный убийца, покушавшийся на Цинь Цзуйкуан, использовал технику «Пурпурная река, разрывающая душу». В романе она описывалась как тайное искусство девяти Великих Кланов, появляющееся лишь ближе к финалу.

Вот только в книге мощь этой техники была неопишуемой: Пурпурная река застилала небо, знаменуя приход самой смерти. Тот незнакомец в сравнении с этим описанием выглядел жалким дилетантом.

А Цинь Цзуйкуан... Он знал «мертвую точку» этой техники лишь потому, что в его жилах текла кровь клана Цинь.

Линь Яньюя словно окатили ледяной водой. Он застыл, не в силах пошевелиться.

«Погодите-ка... Неужели Цинь Цзуйкуан начал что-то вспоминать?» Иначе как бы он смог так точно направить его атаку? Если Цинь Цзуйкуан снимет печать... Учитывая его нынешнее отношение, Линь Яньюю точно не избежать финала, уготованного ему автором.

На мгновение Линь Яньюю почувствовал, как по его «цветку смерти» пробежал очень нехороший холодок.

Даньхао, решив, что ученик просто переживает за главу секты, мягко произнес:

— Если когда-нибудь нам удастся связаться с представителями Кланов, шанс на исцеление появится. Поэтому, мой дорогой ученик, ты должен стать сильнее как можно скорее. Ты — главная надежда нашей секты!

— Ученик понимает, — безучастно отозвался Линь Яньюю.

— В последнее время в секте беспокойно, — добавил мастер напоследок. — Во внешней секте тоже творится что-то странное. Как только история в Зале наказаний утихнет, уходи в глубокую медитацию. Не отвлекайся на пустяки.

Когда Даньхао ушел, Линь Яньюю с головой зарылся в одеяло. «О боги, за что мне это?»

Мало того, что он застрял в теле главного героя, так теперь еще и стал «последней надеждой».

Чтобы не угодить в кресло главы, ему придется лечить главу секты, а значит — волей-неволей связываться с Кланами.

А Кланов он боялся больше всего на свете. Точнее, он боялся того момента, когда Цинь Цзуйкуан вернет себе память.

В полусне ему почудилось, будто кто-то нежно касается его щеки, прерывисто вздыхает и что-то шепчет едва слышным голосом.

Должно быть, так действовали лекарства: Линь Яньюй отчаянно хотел проснуться, но сознание оставалось вязким. Когда он наконец открыл глаза, силы полностью вернулись к нему.

У края кровати, положив голову на руки, спал ученик в бледно-зеленом одеянии с золотым узором. Линь Яньюй присмотрелся — это был Цинь Цзуйкуан. Видимо, старейшина Лэн уже всё оформил и прислал вещи для нового адепта внутренней секты.

Стоило признать: одежда красит человека. В этом изысканном наряде Цинь Цзуйкуан преобразился до неузнаваемости. В его облике появилось нечто холодное, надменное и отрешенное от мирской суеты.

Линь Яньюй долго смотрел на него. Взгляд его медленно скользнул по лицу юноши, а на сердце стало тяжело. Поколебавшись мгновение, он протянул руку и резко сжал пальцы на горле спящего.

Нужно во всём разобраться прямо сейчас. Если что-то пошло не так, решать проблему надо немедленно.

Цинь Цзуйкуан проснулся мгновенно, едва кожа коснулась кожи. Он сонно потер глаза, и, увидев сидящего на постели Линь Яньюя, уже собрался улыбнуться, но вдруг осекся. Он побледнел.

— С-старший брат... Что случилось?

Линь Яньюй сверлил его ледяным взглядом. Голос его звучал сухо и бесстрастно:

— Ты всё вспомнил, не так ли?

Цинь Цзуйкуан замер в замешательстве:

— Вспомнил? О чем вы? Я не понимаю...

Он выглядел крайне недоумевающим, но Линь Яньюй не спешил верить.

— С чего бы тому таинственному человеку нападать именно на тебя? И откуда тебе знать слабые места его техники? Если скажешь, что вы не знакомы — никто не поверит. И еще... то, что было у тебя в глазах. Я всё видел. Кого ты пытаешься обмануть?!

— Старший брат, я действительно ничего не знаю! — В отчаянии Цинь Цзуйкуан попытался подняться, но, поскольку Линь Яньюй продолжал сжимать его горло, он лишь плотнее прильнул к краю кровати, стоя на коленях. — В глазах? Что не так с моими глазами?

— Вчера я, как обычно, чистил вольеры для журавлей, когда этот человек внезапно появился, чтобы убить меня. Вы пришли на зов и получили тяжелую рану, спасая мою жизнь.

— Я уже не говорю о том, что вы спасли меня от побоев и унижений, выходили и даже вопреки правилам оставили во внутренней секте. Я не знаю, как отплатить за такую милость... Как я мог замышлять недоброе и обманывать вас?!

Голос Цинь Цзуйкуана дрожал. Он смотрел с невыносимой болью.

— Почему вы мне не верите? Старший брат, я чту вас и люблю, как я мог предать ваше доверие? Что мне сделать, чтобы вы поверили? В моем сердце нет ничего, кроме искренней преданности вам!

Линь Яньюй усмехнулся:

— Искренняя преданность? Что-то я её не заметил.

Они замерли друг напротив друга. Взгляды встретились, и Линь Яньюй отчетливо увидел, как в глубине этих темных зрачков внезапно вспыхнул призрачный блеск бескрайнего звездного неба.

В ту же секунду горячая ладонь Цинь Цзуйкуана накрыла руку Линь Яньюй, крепко сжимая её.

Воздух словно прошел электрический разряд, ударивший прямо в сердце. Линь Яньюй инстинктивно попытался отпрянуть, но Цинь Цзуйкуан резким, выверенным движением дернул его на себя, заставляя сократить дистанцию до предела.